

Холодно

Вадим Макишвили

Глава 1

— Митя, опять? Ну, пожалей ты меня — ночь уже. Я и Наталье позвонил, что ставлю машину. Попроси Степана, ему торопиться некуда, вон дрыхнет ещё.

— Степану быть должным не хочу, не срастается у меня с ним. А девчонку нужно отвезти кровь из носу — не вернусь вовремя, Светлана не простит, сам понимаешь.

— Я-то всё понимаю. Одного не пойму — почему ты ещё здесь, а не дома. Да ещё и с барышней.

— Серега, а ты не суйся, понял!?

— Ты чё гаркаешь, Митька?

— А то! Не суйся, говорю. Что твои полгода против моих?

— Очнись, Митька, скоро год как я женат.

— А я шестой сегодня праздную, чувствуешь разницу!?

— А что, она есть, Митенька?

— Представь себе, огромная! — Дмитрий ударил по столу. — Ты, наверное, Наташку каждый вечер ещё тискаешь, а я со Светланой раз в неделю не всегда встречаюсь. То устал, то сил нет, то ещё что-то, да и она не всегда хочет, понял? И с тобой так будет... Приоритеты в семье меняются, покоя хочется, размеренно жить хочется.

— Ну? А девки тут при чём?

— А при том! Нет-нет, да и накатит — страсти хочу! Опять почувствовать этот миг, когда чужая женщина меня целует и становится моей. Понимаешь ты это, нет!? Ещё секунду назад она была вся чужая и недоступная, а потом целуешь её... и бац — уже моя. Вся! Понимаешь ты? Опьянения этого хочется.

Дмитрий прикурил, затушил спичку в воздухе, несколько раз глубоко затянулся, выдохнул плотно сжатым ртом, закашлялся и махнул рукой.

— Ничего ты не понимаешь. — Он нервно затоптал сигарету в пепельнице и отвернулся к окну.

Сергей удивлённо смотрел на него сквозь дымку. Она поднималась от пепельницы, закручивалась в замысловатые узоры и распадалась, увлекаемая воздушным течением в неприкрытую форточку.

Сквозь запылённое окно кабинета был виден двор, освещённый единственным фонарем. В дальнем конце двора стоял рефрижератор с включёнными габаритами. Со стороны водителя с лязгом закрылась дверь, мужской силуэт прошуршал по мусору в сторону забора и через несколько мгновений с облегчением крикнул, задрал голову. Выдыхая в темноту седые струи изо рта и разглядывая через них звезды, силуэт справился, застегнул брюки, пошарил правой рукой в заднем кармане и достал

зажигалку. Левой рукой похлопав себя по груди и не найдя сигарет, ругнулся и несколько раз задумчиво чиркнул зажигалкой, озираясь по сторонам. Неяркий огонь осветил небритое и помятое ото сна лицо мужчины в возрасте. Налетевший порыв ветра задул слабое пламя, мужчина поёжился, сунул зажигалку в карман и побрёл к машине. Забравшись на подножку грузовика, он привстал на носках, попытался разглядеть в директорском окне силуэт напарника. Фонарь больно слепил глаза, и Степан, еще раз глянув на звёзды, скрылся в кабине и улегся на полку для отдыха.

Покружив возле машины, замата под неё мусор и опавшие листья, ветер с силой оттолкнулся от металлического борта, завертелся волчком среди двора и, в секунду его преодолев, ударил в стёкла директорского окна, звонко хлопнув форточкой.

«Что должно было случиться, чтобы Митька разродился на такое», — думал Сергей. Хлопок форточки вытряхнул его из оцепенения. Он оглянулся, затем стараясь не шуметь, подошел к двери и прислушался, почти прильнув ухом: в диспетчерской, дальше по коридору, работал телевизор, коридор был пуст. Затем вернулся к Дмитрию, который сидел за столом, зашел ему за спину и наклонившись к уху, с укором прошептал:

— Я вот чего не понимаю — веселишься ты, а по домам подруг развожу я. Ты ж заранее знал, что сам не повезешь, нам со Степаном сплывишь. Нехорошо.

Дмитрий не отвечал. Казалось, он Сергея вообще не замечает.

— А с подругами надо бы галантнее. — продолжал Сергей. — Незамужние, ты ж знаешь, — они замуж хотят. И они не дуры — какая-никакая однажды разозлится.

Дмитрий молчал.

— Не боишься, что Светлане настучат?

— Серег, знаешь... ты там в машине сиденье и бардачок протри, чтобы она платье не изгвазила, — сказал Дмитрий, не меняя позы.

— Понятно, Митя, опять съехал. Ну-ну. Куда везти?

Дмитрий подвинул к себе перекидной календарь за прошлый год, оторвал лист. В скудном свете настольной лампы ручка прошелестела чернильным шариком по выгоревшему на солнце листу и резким движением была отброшена в незакрытый ящик стола.

— Держи, только ты не довози её к самому дому, высади её...

— Да ладно вам, Дмитрий Иванович, учёный уже, — перебил Сергей, смял в кулаке листок, и вышел, не попрощавшись. Дверь кабинета хлопнула сильнее обычного. Сергей громко протопал по коридору, с ноги открыл скрипучую наружную дверь и вышел во двор.

Оставшись один на один со своими мыслями, вперив взгляд в сеть трещин на полировке стола, Дмитрий поежился и мрачно прошептал: «Блин, Серёга, не дай тебе бог, как мне, за каждой юбкой. Не дай-то бог».

Сергей шел к машине, гневно пиная камни, и продолжал в голове незаконченный диалог.

— Всё, Митяй, это в последний раз! ... У меня тоже семья! ... Ты-то каждый вечер домой приходишь, а я через трое на четвертые. Наталья, поди, уже на стол накрыла... В последний раз, Митяй, ей богу!

— Что в последний раз, Сережа? Ты чего там бубнишь? — спросил Степан.

Сергей очнулся в кабине рефрижератора.

— Та ладно вам, Степан, а то не понятно. Девушку отвезти надо.

Степан хмыкнул, повернулся на другой бок и без всякого интереса спросил:

— Откуда сегодня барышня?

Сергей разжал кулак, посмотрел на комканный календарный лист в ладони и отшвырнул его под лобовое стекло.

— Из Давидовки.

— Это крюк порядочный, — присвистнул Степан.

Сергей включил лампочку над головой и развернулся вполоборота к Степану.

— Степан, выручайте, а? Закиньте меня домой, а потом девушку в Давидовку, а? Я по жене соскучился — сил моих нет. Наталья меня дома — во, как ждёт! — провёл ребром ладони по шее.

— Э-э, дорогой, нет. Друг твой, тебе и выручать, а я посплю еще маненько, буду храпеть — толкай.

Степан, покашляв, грузно перевернулся на другой бок. Сергей молча разглядывал спину напарника, думая о чём-то своём.

— Степан, давно хочу спросить, почему вы со мной на ты, а с Димкой по имени-отчеству?

— Если давно хочешь, чего стесняешься? — улыбнулся в темноте Степан. — Ты мне нравишься, а он нет.

— Это как?

— А так. С ним бы я в рейс не пошёл.

Сергей полез в карман джинсов.

— Ты, Сережа, на меня не сердись, — продолжал Степан, — я к тебе хоть и с душой, но помогать в этом деле не стану. Потому что это не тебе помощь, а ему. А с ним я душевных дел иметь не хочу. Давай, ходи за барышней.

— У меня своя барышня есть.

Сергей достал из джинсов трубку и набрал номер.

— Натка, я через пару часов буду, Митька пообещал кому-то в Давидовке, что сегодня туда полтуши закинем, я только-только узнал... Что, родная?... Я не знаю, я там не был ещё, Степан дорогу покажет... Та просил я его, ну чего ты, Нат? Он же не ездит ночью. Да и пока я с Митькой говорил, Степан в диспетчерской стакан пропустил. Ну куда его за руль... Не, не должно быть долго, тушу выгрузить только и домой. Задерживаться не буду... Да. Да, родная. А что там у нас сегодня?... Борщ! Ммм, объедение! — и приглушив голос добавил — Как же я соскучился!... Всё, Натуля, целую, мы поехали. Я тебя люблю.

Степан перевернулся на другой бок, лицом к Сергею, и приподнялся на локте.

— Складно врёшь, Серёжка. Меня зачем алкашом сделал?

— Простите, дядя Степа. Пришлось. — Сергей замолчал, невидящим взглядом уставившись в приборную доску.

— А может и правы вы тогда были: дружба давно не дружба, а одна манипуляция. Может когда в своей голове разберусь, тогда и жене врать перестану. А незачем будет! — добавил он почти вопросительно. — Да и обидно ей будет за Светлану, сдружились они.

— Ладно, Сережа, топай давай за барышней, ей-поди, тоже не улыбается ночь в кутузке диспетчерской встречать.

Тишину двора нарушил скрип конторской двери, на свет фонаря вышла молодая пара.

— Та вон они уже идут, за ручки держатся. — Сергей кивнул головой в сторону.

К грузовику шли двое, фонарь светил им в спины. Через правое боковое стекло Сергей видел только силуэты, освещенные золотым ореолом, один — коренастый и с детства знакомый, второй — женский. Тонкое платье просвечивалось и не мешало разглядывать фигуру. В свете прожектора длинные волосы светились золотым светом и спускались на плечи девушки, как ивовые ветви стелятся по речной глади.

— Степан, может всё-таки отвезете, а? — сказал Сергей, разглядывая женский силуэт.

— Сережа, мне не трудно. Только мужик — он ведь не в том, чтобы девушкам голову кружить. Мужик — он в ответственности перед людьми, которых любит.

— Дядя Степа, ну я ж вам нравлюсь, сами сказали. А помочь отказываетесь, ответственность не берете? — сощурился Сергей.

— Дурак ты, Сережа. Вот соврал ты Наталье про полтуши сегодня. Завтра Дмитрий Иванович тебе снова прикажет, ты новое вранье придумаешь, а на третий раз может призадуматься, кто тебе дороже — жена или друг. Да и такой ли уж он друг?

Сергей открыл было рот что-то сказать, но осёкся под взглядом Степана и отвёл глаза.

Дверь кабины открылась.

— Сергей, — сказал Дмитрий, — знакомься, это Ольга.

Он сделал шаг в сторону и свет кабины упал на лицо девушки. Девушка подняла глаза, припухшие, как после недавних слёз, и встретила взглядом с Сергеем. А потом, сделав полшага назад, испуганно прошептала:

— Дима, отвези меня сам.

— Оленька, ну опять ты начинаешь? Ребята тебя быстро довезут. А я утром позвоню, как договорились. Ну?

В кабине снова показался Дмитрий. Он поставил на среднее сиденье женскую сумку. А потом, как бы вспомнив, привстал на подножке и сказал:

— Степан, вы здесь? Добрый вечер.

— Добрый вечер, Дмитрий Иванович, — ответил Степан.

— Оля знакомься, это вот Сергей, а там, на полке — Степан Николаевич. Мои лучшие работники. Доверяю им как себе. — Дмитрий спрыгнул с подножки и отряхнул руки. — Давай подсажу, — сказал он и протянул Ольге ладонь.

Девушка внимательно посмотрела на ладонь Дмитрия, словно на ней должно было появиться что-то важное, потом шагнула мимо, задев её плечом, поставила ногу на подножку, подтянулась рукой за дверь грузовика и села в кабину.

Сергей перегнулся через девушку, посмотрел на Дмитрия и кивнул, что, мол, делать? Дима пожал плечами.

— Я завтра тебе позвоню, Оленька, — сказал он и захлопнул дверь. — Пока.

Он отошел на несколько шагов назад и помахал жестом, который мог означать как «привет», так и «пока». Ольга сидела с прямой спиной, напряженно глядя вверх, стараясь удержать слёзы. Сергей последний раз бросил взгляд на Дмитрия, тот уже не прощался, а показывал рукой Сергею, мол, давай уже, отъезжай!

— Здравствуйте, — сказал Сергей и повернул ключ зажигания.

Всё так же глядя вверх, девушка ему кивнула, и в эту секунду Сергей увидел как у девушки дрожит подбородок. Кабина завибрировала, зажёгся ближний. Сергей включил первую и отпустил сцепление. Машина тяжело двинулась вперед, освещая выезд из двора. В боковом зеркале отражался неподвижный мужской силуэт. Постепенно отдаляясь, он исчез из виду. Девушка моргнула, и с ресниц в вырез платья упали две слезы.

Глава 2

Какое-то время ехали молча. Сергей вёл машину и время от времени поглядывал на девушку. Она негромко плакала, всхлипывала и вытирала слёзы комканным платком.

— А у вас это... выпить есть? — вдруг спросил Сергей.

— Что? — девушка повернулась, моргая и утираясь, пытаясь сквозь слезы разглядеть лицо Сергея.

— Выпить у вас есть, спрашиваю? — он улыбнулся.

— А, шутите, — сказала Ольга и отвернулась к окну.

— А курить? — продолжал он.

Девушка отрицательно мотнула головой.

Сергей, не отрывая взгляда от дороги, потянулся к бардачку, открыл, пошарил там и положил девушке на колени пачку.

— Тогда вот, дарю. Смотрите, теперь у вас есть курить.

Ольга взяла сигареты, посмотрела на них и, едва улыбнувшись, протянула Сергею:

— Спасибо, мне не надо.

Сергей улыбался.

— А мне не надо, чтобы вы тут... сырость разводили. У меня это... аллергия на слёзы.

— Сергей улыбался. — Достаньте мне одну, пожалуйста.

— Не давайте ему, — подал сзади голос Степан.

— Ох ты, боже мой! — Девушка вздрогнула, выронив пачку из рук. Потом оглянулась на Степана:

— Извините. Я забыла, что вас двое.

— Это вы меня извините, не хотел напугать, — сказал Степан.

— Почему не давать? — спросила Ольга, поднимая с пола сигареты.

— А он не курит, — усмехнулся Степан. — Это он меня дразнит. Ну и молодежь пошла, не даёт пожилым людям курить. Да, Серёжка?

— В кабине, дядь Стёпа. В кабине не даю. Оля, я и вам расскажу. Кстати, вы курите?

— Нет, — сказала девушка и положила сигареты на полку над бардачком.

— Вот и правильно. Мне тут жена рассказала — она в интернете прочитала — никотин выводится из организма шесть месяцев, а алкоголь целый месяц... или три... не помню уже. Представляете? Стоит сегодня один раз затянуться, и только через полгода эта дрянь из меня выйдет.

Сергей бросил взгляд на девушку.

— Представляете?

— Да представляем, Серёжа, представляем. Сколько раз ещё я эту историю услышу, а?
— Степан вздохнул.

— А я не вам рассказываю, я Ольге. Вам интересно, Оля?

Ольга кивнула без энтузиазма, вытирая уголком платка под глазами.

— Ну и вот. Там же написано, если хочешь здорового ребенка, надо за три месяца до зачатия бросить и курить и пить. Вообще ничего алкогольного не пить. Ну и не курить тоже. — сказал Сергей. — Ну и не дышать дымом, конечно. Да, Степан? — добавил Сергей, глянув через плечо на напарника.

— Да-да, врач-профессор. Как скажете. — Усмехнулся Степан.

— У нас в поселке, — продолжил Сергей, не обратив внимания на иронию, — был случай: родился ребенок с заячьей губой и волчьей пастью. Или наоборот, — добавил Сергей после секундного замешательства, — заячья пасть и волчья губа... я не разбираюсь, короче. Я тогда пацаном совсем был, так что, могу наврать. Помню, видел того мальчонку до операции — раздвоенная верхняя губа, как у кролика. Отец мне рассказал, что такие дети бывают, если родители были пьяными во время... — Сергей запнулся. — А вот мне интересно, какими словами он мне тогда объяснил про зачатие? Сейчас-то я знаю это слово, а тогда?

Степан молчал, Ольга смотрела в окно, за которым тянулись пригородные постройки.

— Короче, врезалось это мне в память. Когда вижу сейчас взрослых людей с криво сшитой губой, смотреть на них не могу, глаза отвожу, будто мне стыдно за то, что сам я нормальный и родители мои были трезвыми. Ну... во время зачатия.

Сергей замолк. Машина выехала из черты города и свернула на трассу. Она вела мимо полей, тянувшихся до самого горизонта. Они тонули в темноте и казались бескрайними. Ближе к горизонту земля слабо мерцала в лунном свете, как будто комья земли отсвечивали золотом.

— Ну и вот, — прервал молчание Сергей, — мы с женой не пьем и не курим теперь. Хотя мне уже можно, это Натке нельзя, четвертый месяц уже. На УЗИ сказали, девочка. — Губы на мгновение тронула улыбка. — Боюсь я — мало ли что.

— Что - мало ли что? — спросила девушка, всё так же глядя в окно.

— А? — удивился Сергей, словно не ожидал вопроса. — Ну, как что? Что, урод родится. Ладно, если губа раздвояна, сейчас это сшивают. Глядишь, скоро медицина научится так сшивать, что никто и не заподозрит. А если что серьезное? А если уродство в мозгах? Будет ребенок всю жизнь мучаться, и мы вместе с ним. Боюсь, сильно бо..

— Серега, давай не будем.

— Что, дядь Стёп? Не расслышал.

— А то, — сказал Степан, — Ты вроде и прав, а с другой стороны, кому мучение, а кто и это не заработал.

— Вы о чем, дядь Стёп?

— Та ни о чём, забудь.

— Ну как скажете. — Сергей умолк, но спустя мгновение, пожав плечами, продолжил.
— Разве ж такое кому пожелаешь?

— Пожелаешь-не пожелаешь, а не нам это решать.

— А чего ж не нам? При беременной не кури, пьяный к жене не приставай — вроде, всё.

— Всё, да не всё, Сережа. Мне уже седьмой десяток светит, а дитя, видишь, не случилось. Я тоже всё ждал, пока медицина поможет. А вот хрена мне лысого, а не детей.

Кряхтя, он слез с полки и сел на среднее кресло.

— Можно, не помешаю? — обратился он к девушке.

— Можно, это ж ваша машина.

— Тогда вот, возьми, дочка. Это твоё? — Степан вытащил из-под себя женскую сумку и положил Ольге на колени.

— Дядя Стёпа, вы меня это... извините, я ж не знал.

— Та ладно, тебе, Серега, чего-то я зряшное ляпнул. Забудьте. Я вам другое расскажу. Знаете, чего я боюсь? Хотите скажу?

Степан схватил пачку, вытряхнул сигарету, сунул в рот. Потом вспомнив, ругнулся под нос и затолкал её назад.

— Я когда был помоложе, прочитал случайно рассказ один. Небольшой. Неизвестного мне автора. Бориса Васильева знаете? Потом-то я много его вещей прочитал. А тот рассказ мне жизнь изменил. Ничего, что я тут пафосно выражаюсь? Вы не против, молодежь, а?

Сергей улыбнулся.

— Выражайтесь, дядя Стёпа.

— Ты, поди, и не слышал про такого писателя? — продолжал Степан.

— Не-а, — сказал Сергей.

— А я читала Васильева.

Степан хмыкнул:

— О, как! Молодчина. И как тебе?

— Нормально.

— Нормально. — Передразнил Степан девушку. — Отлично! Пишет, как будто глазами своими всё видел. Я потом его рассказами зачитывался. А тот, самый первый, назывался «Холодно». Ты не читала?

Ольга задумалась, а потом отрицательно мотнула головой.

— Рассказ про дальнобойщиков. Точнее, не совсем про дальнобойщиков, но дальнобойщик там есть. Там главный герой работает на рефрижераторе, прям как мы с тобой, Серега. Ага, улыбаешься. Не улыбайся, я после этого рассказа стал бояться в рейсы ночью ходить, я тогда моложе был, за 30 ещё не было. Напарник тогда с меня смеялся, а я ничего поделаться не мог. Так и ездили, я в дневную вёл, он в ночную. Чего боялся, спросите вы. Сбить человека, вот чего. Одно дело, когда бог ребенка калекой делает, если родители в стельку упились, а другое, когда я калекой могу сделать. Или убить. Совести боюсь, виной мучаться. И тюрьмы.

— Погодите, Степан. Вы ночью поэтому вы ходите? Ну, здрасте вам! А ввали про сумеречную слепоту, про медкомиссию. Ну елы-палы, Степан. Почему мне сразу не сказать-то?

— А что сказать? — Степан удивился. — Что старый хрен боится человека сбить ночью? И что днём я без очков ещё ничего, а ночью размыто всё, как слёзы в глазах?

— Ну и сказали бы так, врать-то мне зачем? Я ж нормальный, я бы понял.

— Ну, вот, сказал. Что ты понял?

— Да всё понял. Кажется. — Сергей немного притих. — Вы чего?

— А у вас, Оля, какой страх? — Неожиданно переключился Степан.

Ольга склонила голову, глядя на сложенные между колен ладони, и чуть слышно сказала:

— Аборта боюсь.

Лицо Сергея вытянулось, Степан вскинул брови, но оба смолчали.

— А что? Вы мне откровенно, я тоже могу. Аборта боюсь. Интересно послушать? Интересно, я вас спрашиваю? — голос Ольги явно выделил слово «вас».

Мужчины кивнули, Сергей угукнул.

— Не физической боли боюсь. Вот как вы, Степан, боюсь жить с мыслью, что... Не знаю, как бы вам понять меня... Вот я женщина, могла бы родить ребенка. Человека родить, понимаете? А если аборт, то не будет этого человека никогда, другие будут, а этого — уже никогда. Убьют его, и шанса родиться у него больше не будет. Никогда. Вы это понимаете?

— Продолжай, дочка, мы слушаем. Внимательно слушаем, — сказал Степан.

— А что продолжать, — голос её стал злым, — я видела фильм «Алфи», там главную роль Джад Лоу играл. Видели, нет? Не смотрите, я вам самое главное и так расскажу. Там девушка одна забеременела, а потом пошла делать аборт, а когда вышла из больницы, её спросили: «Как ты? Что чувствуешь?», она ответила: «Пусто». — Ольга глубоко вдохнула. — Вот этой пустоты я боюсь. Мне 19, что у меня в жизни было? А если такая пустота накроет, боюсь я.

В кабине повисло молчание. Степан сидел ссутулившись, погруженный в какие-то свои мысли. Сергей вел машину, не отрывая взгляда от дороги. Ольга смотрела в боковое окно, где отражалось её заплаканное лицо в обрамлении темноты полей.

— В Америке есть целое движение против абортов. — Сергей нарушил молчание.

— Что? — переспросил Степан.

— Я говорю, в Америке есть движение против абортов. Террористы. Поджигают больницы, убивают врачей, которые делают аборты.

— Та ну, брехня.

— Я в интернете читал.

— Поджигают больницы и убивают врачей?

— Да.

— Это, чтобы женщины не делали абортов, что ли?

— Ну, да.

— Это, получается, они борются за жизни детей, убивая взрослых. Так, что ли?

— Ну, выходит.

— Ерунда это, быть не может.

Ольга, не поворачиваясь от окна, сказала:

— А я видела.

Степан не понял.

— Что?

— В кино видела про это. Всё правда.

— Что «правда»? Что жгут и убивают против абортов?

— Да.

— Это ж в каком кино такое показывают?

— В «Джуно» например было.

— Американское что ли? Очередная гадость?

— Почему гадость? Хороший фильм.

— Да, точно. И реклама про перхоть и тампоны тоже хорошая. Самое место им в телевизоре. Иногда хлеб в горле застрейт, когда тампоны показывают.

— А я не смотрю телевизор.

— А кино ты где смотришь?

— На работе.

— Оп-па, это ж где такая работа? Я тоже так хочу. — хохотнул Сергей.

— В кинотеатре билетёром. — сказала Ольга.

— О, здорово. Каждый день кино можно смотреть бесплатно?

— Можно.

— Смотришь?

— Нет. Я только премьеры. Мне редко какой фильм второй раз хочется.

— А билетёр - это как? Билеты продаёшь?

— Нет. Я их проверяю.

— Это ты каждый день в город и обратно мотаешься?

— Не так и далеко.

— Ну не скажи, мы сейчас по пустой дороге и на пустой фуре, — и то долго, а ты автобусом в часы пик.

Девушка настороженно посмотрела на Сергея, потом пожала плечами и тихо сказала:

— Привыкла уже.

— Дикость какая-то. — Степан продолжал своё. — А почему они против абортов?

— Кто? — спросил Сергей.

— Американцы.

— А они за сохранение жизни борются.

— А если бомжичка?

— Что «бомжичка»?

— Хочет аборт сделать.

— Ну, какая разница?

— Какая разница? А сифилис, гонорея, СПИД с рождения? Есть разница, Сережа.

— Необязательно же. Рождаются и здоровые.

— У бомжичек? Даже если на девяносто больных рождаются десять здоровых, это хорошо, по-твоему?

— По-моему, дядя Стёпа — если честно — делать аборты плохо. Поджигать я, конечно, никого не буду, но когда Наталья сказала, что беременна, ни секунды не колебался. Денег-то у нас не особо, сами знаете. Но говорят же: будет день, будет пища. Будет ребенок, и деньги придут. Так, дядя Стёпа?

— Только у алкоголиков это не работает. Будет день — будет стакан. У них так. А ребенок у них заплесневелый хлеб через старый колготок сосёт или в детдом на порог подбрасывается. И думаю я, лучше бы такому дитю не рождаться вовсе, чем так жить.

— Ну, не знаю. И из детдомов в люди вырастают.

— Ага, ты ещё скажи, счастливые они там. Как ребенку быть счастливым без мамки-папки? Вон, даже у цыган дети несчастные, как сорная трава растёт. Это при живых-то родителях. А детдомовские? Ты глаза-то их видел? В них же тоска. А те дети, что постарше, как волчата злые. Счастья не видят никакого.

— А у нас, кстати, на соседней улицы цыгане жили. Настоящие. На вокзале деньги выманивали. За высоким металлическим забором жили. Всегда галдели, как мимо не пройдёшь. Я даже не знал, сколько там детей. Но не сказал бы — особо несчастными они не выглядели.

— А что они в своём детстве видели, кроме грязного вокзала? Думаешь, кружки какие-нибудь или секции спортивные? Думаешь, родителям до них дело есть? Анекдот про грязного ребенка - это ж почти правда.

— Какой анекдот?

— Ну, этот... Цыгане смотрят на своего ребенка — он грязный весь, аж черными полосами. Смотрят они на него, а потом отец задумчиво так: «Этого отмыть или нового сделать?».

— Ха. Нормально. — Сергей улыбнулся. — Кстати, да, я к ним во двор не заходил, только в открытую дверь мимоходом заглядывал. Мусор начинался сразу от калитки. Так что, в точку анекдот.

— В точку. Какие они сейчас, эти пацанята? Думаешь, в белой сорочке на работу ходят? Ага. Воруют, пьют, сидят. Или пока не сидят, просто воруют и пьют. Или наркотиками колются. Хорошая у них жизнь, ничего не скажешь.

— Не пойму, к чему вы.

— К тому. Государство должно запрещать таким рожать. Избавляться надо от беременности у таких. У больных, у пьющих и у нищих. А деньги на исследования пускать, чтобы нормальные люди могли рожать. Чтобы...

— Избавляться? — Ольга вдруг включилась в разговор, повернулась к Степану и в лицо ему посмотрела. — Как вы только можете этим словом про детей говорить?

— Каким?

— «Избавляться». Ненавижу, когда так говорят! Избавляются от хлама. Чтобы выкинуть ненужное и впустить в жизнь что-то новое и светлое. А что хорошего в жизни можно ждать, после того, как ребенка в себе убьёшь?

— О каком светлом ты говоришь, дочка? Самое светлое для них - стакан или доза. Им дети в радость только первые полгода, когда пособие по рождению за дитя получают. Беременеют, как мыши полевые. Хоть бы им что. Нормальные люди зачать не могут годами, а они - после каждого... Та ну вас.

Сергей притормозил перед голубым указателем на Давидовку. Повернул тяжелую машину и съехал на неасфальтированную дорогу. Далеко вперёд, освещённая дальним светом фар, отходила сухая и утоптанная грунтовка. Степные каменистые участки, поросшие низкорослым кустарником, выгоревшем за лето до желтых хрупких стеблей, подступали вплотную к дороге. Подпрыгивая на неровностях, фары выхватывали из темноты кривую дорогу, уходящую далеко вперёд и вверх к скалистой гряде, где наверху светились редкие огни посёлка.

— Кстати, про цыган. — Сергей быстро глянул на Степана и продолжил. — Откуда у них сейчас белокожие дети? Раньше я такого не видел, вся мелкотня бегала смуглая. А сейчас славянские девушки в пестрых юбках на вокзале за руки тебя хватают. Лицо хоть и русское, а глаза цыганские, воровитые. И в маршрутках вижу цыганок с младенцами — закутают в тряпье разноцветное, а лицо оттуда белое, славянское. Воруют детей что ли?

— С них станется. — Сказал Степан.

— Из детдома усыновляют. — сказала Ольга.

— Ага, сейчас. — Резко сказал Степан. — Нормальные люди усыновить не могут, а цыганам — на-те, пожалуйста? Воруют.

— И спокойно с краденными детьми по городу рассекают? Что-то не верится. Может и правда усыновляют в детдоме?

— Ребятки, милые, вы не понимаете. Государство не хочет их отдавать. Оно проверяет тебя, со всех сторон обнюхивает — достойный ты взять ребенка или нет. У тебя семья полноценная? А работа у тебя стабильная? А зарплата позволяет? А метраж жилья на душу какой? Вот ответьте мне, почему оно не задаёт эти вопросы тем, кто рожает? Ишь, как хитро устроено — если твоя жена смогла родить, государство с тебя не спросит метраж и работу - будь ты хоть алкаш. А если ты сам не можешь родить, будьте добры - выньте да положьте им какие-то нормы. Господи, да моему мальчонке за радость было бы жить где угодно, только не в детдоме. До он бы и в общежитии со мной счастлив был бы.

Степан сжал губы и замолчал.

— На моём этаже в соседней комнате жила молодая семейная пара. Она — милая девушка, тонюсенькая такая. Улыбчивый колокольчик. А через стенку её слышно. Как она орала на детей! Самыми грязными ругательствами. Била, наверное. Три или четыре

года детям было. А как в коридоре встретимся — улыбается и глаза скромно опускает. Ну, ангел чистый. Лицо ровное, хорошенькое, ресницы длинные. И не подумаешь, что она так орать умеет. А дети её на всех со страхом смотрели. Вот ей государство почему разрешило детей воспитывать? Почему таких не берут на проверку? У твоих цыган дети и то счастливее, чем у неё.

— Степан. — Сергей как бы прокашлялся.

— Да.

— Вы хотели ребенка взять в детдоме?

— Хотел. Недостаточно хорош я, видите ли, для нашего государства. Да, ну их! — Степан махнул рукой и замолчал.

Глава 3

Они подъехали к началу каменистого склона. Подножие склона прорезала широкая канава. Мутная жижа, по краям серая трава. Поверх канавы бетонная плита. Медленно въехали на плиту, переехали через неё. Вдоль дороги, уходящей вверх, нестройная очередь покошенных деревянных столбов с проводами. В растрескавшейся древесине застрявшие пучки высохшей на ветру травы. Подножия столбов занесены каменной крошкой и песком. Сергей сбросил скорость, включил вторую передачу и равномерно поддавая газ, повёз машину вверх.

Выше по склону слой земли истончался, уступая напористой скале. Камни пробивались сквозь почву, как верхушки спрятанных в землю исполинских зубов — выбеленные ветром, дождями и колёсами. Дорога петляла, выискивая ровные участки, но скала была неумолима — ровных участков не было. Машина вздрагивала бортами, дребезжала внутренностями и подскакивала на камнях каждым колесом.

— Я как-то размышлял.

Сергей помолчал, подбирая слова.

— Вот, если бы не Наташу полюбил, а другую женщину. А у неё, предположим, ребенок. Хорошая женщина, и ребенок у неё хороший. Вот как он будет ко мне относиться? А я к нему? Он же мне чужой. Смогу я к нему, как к своему? Хотя, если вдуматься, ну какая разница? Может быть от меня родился бы у этой женщины точно такой ребенок? Я же не могу знать. А если бы он родился от меня — я же его любил бы. Ну, правда? Тогда что мне мешает полюбить приёмного? Выходит так, дело только в моём отношении, а не в ребенке.

Степан пожал плечами. Но Сергей жеста не увидел. Он смотрел на дорогу.

— Ну глупость же, условность какая-то. Дети все хорошие. Мне с детства хотелось младшего братишку или сестрёнку. У родителей — смех — лет в десять попросил на День Рождения ребеночка подарить. Сон однажды даже был. Приснилось, что в животе у меня малыш появился, а я, вроде как, беременный. И я кому-то объяснял: «У меня там Маленький». Помню, проснулся, а ощущение покоя и радости где-то в животе. Я потом целый день берёг в себе ощущение, что в животе у меня Маленький. Какое-то оно блаженное было. И давно же было, а запомнилось вот. Странно наша память устроена.

— Говорят, — вклинилась Ольга, — что мужчина любит женщину, а не ребенка. Если к женщине остыл, никакой ребенок не удержит. Уйдёт и забудет.

— Это где такое говорят? — спросил Степан. — В кино твоём американском?

— Не только. И в журналах пишут.

— В журналах, за твои-то деньги, ещё и не такое напишут.

— Степан, а я думаю, правда это. Отчасти. Я и об этом как-то думал. Я, например, так для себя решил: если разлюблю — уйду и не буду мучать никого. А ребенка не разорвать

же про меж двоих? Оставляю с Наташей, потому что с матерью ребенку всегда лучше. Может не я один так считаю, может поэтому и говорят так о мужчинах, что любит не ребенка. Только, Оля. Если мужчина скотина, он бросит и, как ребенка звать, забудет. А если нормальный мужик, я так понимаю, он и помогать будет дитю своему. Я так думаю. Я бы так поступал.

— А я думаю, вы всё равно не понимаете, что значит одну с ребенком бросить. О себе только думаете всегда. И не можете понять нас. Толстокожие вы.

Оля отвернулась к окну.

— Дочка, ты фильмов дурных обсмотрелась или что? Ты за что нас такими словами?

— Простите. — Оля буркнула в ответ и платком промокнула глаза.

По дороге попадались россыпи из мелких твёрдых камней, колеса на них теряли сцепление с грунтом, и руль под руками Сергея оживал, словно хотел ускользнуть из ладоней. Машину ощутимо водило в бок. Сосредоточившись на дороге, Сергей напряжённо удерживал руль.

Проехали длинное строение, будто бы заброшенное — ракушечная кладка обнажена под отвалившейся штукатуркой; перед большими двустворчатыми воротами кучи сена; трактор со спущенной гусеницей. Проехали. За хлевом фары выхватили из темноты край оврага, и дорога увела левее, взбираясь к первым тёмным и по всему видно, жилым домам. Крашеный в зелёное забор, глиняные горшки вверх дном, деревянная скамейка. Светятся редкие окна, другие темнотой блестят в лунном свете. Собаки, не привыкшие видеть большую фуру, зашлись лаем. Сергей сбавил скорость.

— Тебя к дому подвезти или тут высадить, как тебе лучше?

— Зачем здесь? — девушка испуганно уставилась на Сергея.

Он замялся и добавил:

— Ну... как бы... я не знаю. Ты скажи, где выйдешь, там и высажу.

— Здесь не выйду. Ни за что!

— Ну, как скажешь, мне-то что? — он безразлично пожал плечами. — Куда ехать-то дальше, показывай.

Испуг на лице Ольги на секунду сменился замешательством, а потом превратился в злость:

— Вы издеваетесь?

— Не понял?

— Думаете, я сюда каждый месяц езжу?

Сергей резко затормозил.

— Не понял, — повторил Сергей, медленно поворачиваясь к Ольге и закидывая локоть на спинку кресла. — Ты здесь живешь? — он отчетливо выделил слово «здесь». Ольга молчала, отвернувшись к боковому стеклу.

Степан, сдвинув брови, смотрел в затылок девушки. Затем задумчиво почесал лоб и потянулся к бумажке под ветровым стеклом. Разгладил её, включил лампочку под потолком, и вглядываясь в скудно освещённый лист, прочитал: «Давидовка, Ленина 5».

— Дочка, — дотронулся он плеча девушки, — ты здесь живёшь, на Ленина 5?

Ольга повернулась, и мужчины увидели дрожащие губы и полные слёз глаза. Ольга мгновение смотрела на них, а потом резко распахнула дверь и выпрыгнула из кабины.

— Ты куда? — крикнул вдогонку Степан. — Сереж, давай за ней! Куда она, дурёха?

Сергей нашел Ольгу на обочине позади машины. Она сидела на корточках, прижавшись спиной к доскам забора, спрятав лицо в ладонях, плечи ходили вверх-вниз. За спиной девушки, в глубине двора, хрипела собака, в других дворах ей отвечали на разные голоса.

Сергей постоял над девушкой, посмотрел по сторонам. Присел рядом, сорвал травинку, сунул в рот, снова посмотрел по сторонам, вздохнул.

— Оля? Оля, слышишь? — девушка не отвечала.

Из кабины выпрыгнул Степан и пошёл было к ним, но Сергей навстречу вскинул руку, мол, всё нормально, не подходи. Степан сел на подножку и закурил, поглядывая в их сторону.

Девушка постепенно затихала, безудержность плача сменялась истеричными всхлипами.

«Знакомо, — усмехнулся Сергей. — Плачет, как Натка».

Он нерешительно приобнял девушку за плечи. На мгновение она напряглась, а потом расслабилась и прижалась к мужчине.

«Сейчас снова заплачет, — думал Сергей, — только уже без истерики. Всё так».

Ольга, затихая, плакала, вытирая слезы о мужскую рубашку и размазывая недорогую тушь по лицу и ткани. Сергей увидел себя со стороны: вот он — мужчина, его дома ждет и выглядывает жена, — он среди ночи сидит на пыльной дороге в какой-то деревне и обнимает почти незнакомую женщину.

Ольга перестала плакать, отстранилась от него руками и отвернулась.

— Оля, а Оля? А куда мы приехали? Ты не тут живешь, что ли?

Девушка отрицательно мотнула головой.

Сергей нахмурился, пожевал травинку, потом скривился, покрутил её в руках, и выбросил.

— Оля, а Дима знает, где ты живешь?

Девушка кивнула. Помолчав, Сергей спросил:

— Слышь, он мне адрес написал на бумажке: Давидовка, Ленина 5. Ты знаешь, что там?

Ольга повернулась и посмотрела на Сергея потухшим взглядом.

Потом, вытерев глаза большим пальцем, сказала:

— Знаю.

— И что там?

— Врач.

— Врач. — повторил Сергей. — А живешь ты где?

— В Михнёво.

— А как ты думала добираться домой после врача?

Ольга сглотнула.

— Дима сказал, вы отвезёте.

— Чего? — Сергей оттолкнулся спиной от забора и развернулся к Ольге лицом. — Это Димка такое сказал?! Ну, ни фиги себе!

Он встал, сплюнул себе под ноги, с силой рубанул по обочине, как по футбольному мячу. Нос ботинка вспорол сухую земляную пыль и раскидал на дороге комья с вырванной травой и корнями. — Степан, вы слышите? — крикнул Сергей, — Димка сказал Ольге, что...

Сергей шагнул к Степану, но обернулся к девушке.

— погоди. Оля, а зачем тебе ночью врач?

К Сергею подошёл Степан, стал над Ольгой и глубоко затянулся сигаретой. Выпустив носом дым, он выплюнул окурок и сел на корточки перед девушкой.

— Оля, это женский врач там? Да?

Ольга, кивнула.

— А ты туда просто показаться или по делу какому?

Ольга не ответила.

— Та-а-ак, понятно.

— Что понятно-то, Степан?

— Сереж. Ты забирайся в машину, сейчас поедem.

Сергей с потерянным видом смотрел то на Степана, то вниз на Ольгу. Мотор машины гудел на холостых оборотах, собаки разорялись лаем, а на крыльце дома напротив зажегся свет. Степан посмотрел в небо, выдохнул серебристым паром и ровным голосом сказал:

— Оля, пойдём. Вон, гляди, народ просыпается, сейчас повываливают. Глазеть будут. А тебе не надо. Вставай-вставай.

Ольга встала, Степан кивнул Сергею на машину и тот поплелся к кабине, недоуменно оглядываясь на идущих за ним Степана и Ольгу.

Включив первую передачу и не отпуская сцепление, Сергей вопросительно посмотрел на Степана. Тот сидел на месте Ольги, погрузившись в задумчивость. Ольга сидела между ними, по-детски зажав руки между колен и уставившись в пол.

— Значит так, дочка. Говори нам свой адрес и повезем тебя домой.

— Нет-нет, — быстро замотала головой Ольга, — нельзя домой, мне к врачу.

Степан долго молчал и смотрел на освещённую фарами главную дорогу села. Дорога была пуста.

— Ты уже взрослая и я тебе никто, но ты меня послушай чуток. Ты, наверное, думаешь, что тебя засмеют, что пальцем тыкать будут, что отец и мать из дому выгонят. Наверное думаешь, зарплаты нет хорошей, что мужа нет и не будет, с дитём-то. Что не прокормишь, не оденешь. Ты думай, я не отговариваю.

Он помолчал.

— Только ты о том ещё думай — внутри тебя человек живой. Прямо сейчас он там. Пальчики такие маленькие на руках - на твои похожи. На пальчиках ноготки маленькие, почти прозрачные. А когда он родится, будет на запах находить грудь твою — только твою, понимаешь? Ты только представь — родной, тёплый, слабый, твой! Вся жизнь его от тебя зависит.

Степан посмотрел на Ольгу.

— Ты же сама говорила, убьют его и не будет такого. Посмотри-ка на меня. У меня детей нет и не будет. Уже никогда. Ты же это слово хорошо понимаешь — «ни-ког-да»? А если у тебя после этого больше никогда? М? Ты подумай. Подумай об этом. А мы пойдём перекурим. Сергей...

— Не надо ходить. — Сказала Ольга. — Решила я уже. Вы только не бросайте меня, пожалуйста? Я потом одна домой не доберусь. — Она почти с мольбой посмотрела на Степана.

— А ты всё равно, подумай. Пойдем, Сергей, потолкуем.

Сергей и Степан отошли от машины, чтобы не попасть в свет фар.

— Дядь Стёпа, я правильно всё понял...

— Правильно, Сережа, правильно, — перебил его Степан, прикуривая.

— Ну, блин, Митяй. — Сергей сплюнул. — У них же со Светланой шестая годовщина сегодня. А у Светки выпало дежурство в больнице. Так она специально сменами поменялась, чтобы дома праздничный ужин сделать. Гостей не позвали, только вдвоём решили. А к нему Ольга в контору пришла. Я ж понял так, что ему просто отвезти девушку некогда. А он... Ну, блин, Митяй...

Степан сделал несколько глубоких затяжек и щелбаном выкинул тлеющий окурок.

— Вот что, Серёж. Здесь оставлять её нельзя. Коль решилась — не отговоришь и силой не повезёшь. Тут я её не брошу. И ты, стало быть, тоже. сюда. Пошли.

Глава 4

Они забрались в кабину.

— Отвезите меня туда, — чуть слышно сказала Ольга.

Степан вздохнул.

— Ну как скажешь. Отвезём, подождём и домой доставим. Давай прямо, — махнул он Сергею, — мы уже на Ленина.

Они тронулись, проехали по прямой домов десять и остановились. Ольга сидела с прямой спиной, с потухшими, неживыми глазами, и тербила хлястики на сумке дрожащими пальцами.

На крыльце зажглось, и на свет, в наброшенном на голые плечи пиджаке, вышел сутулый мужчина в возрасте. Он сощурился на темноту, оглядел размеры машины и чертыхнулся:

— Ещё б на пароходе приплыли, твою ж...

Он сбежал с крыльца, притко для своего возраста пересёк двор, распахнул калитку и запрыгнул на подножку рефрижератора.

— Ты совсем ополоумел, что ли? — зашипел он на Сергея, глядя на него снизу. — Я ж говорил, чтоб тихо. А ты на чём приперся?

Сергей приспустил стекло и высунул голову.

— Не понял?

— Какого ты на фуре припёрся? Что непонятно?

— Не понял. — снова сказал Сергей.

— Это вы — врач на Ленина 5? — высунулся вперед Степан.

— А вы ещё кто? — Мужчина насторожился. — Родственник?

Степан запнулся на секунду.

— Родственник, да... отец я.

— Ясно, давайте в дом, быстро! — сказал он, обращаясь ко всем и оглядываясь по сторонам. — И фары туши, ёбтель, светишь тут на полсела, — фыркнул на Сергея.

Сергей выключил зажигание, поднял стекло доверху и вылез вслед за Степаном и Ольгой. Ольга смотрела на Степана, в глазах её появились слезы.

— Вы, правда, пойдёте?

— Ты хочешь?

Ольга часто-часто закивала.

— Пойду.

Сергей кашлянул.

— Я тут вас обожду.

Врач обернулся.

— Все в дом, живо!

Сергей открыл было рот, но осёкся под взглядом Степана и двинулся следом.

— Тебя как зовут, милая? — обратился врач к девушке, когда закрыл дверь в сенях.

— Ольга, — ответила она тихо.

— Вот что, Оля. Разувайся и иди туда, — он указал пальцем на дверь, — там кушетка, приляг, я сейчас.

Ольга чуть кивнула и направилась к двери, по пути носком об пятку стянула с ног туфли. Взявшись за ручку, помедлила, и передёрнув плечами, словно по ней прошелся сквозняк, потянула на себя. Перекошенная дверь шкрябнула по давно не крашеному и расцарапанному глубокой белой полудугой полу. Ольга зашла в комнату и закрыла дверь.

— Ну, поздно вы приехали, я же просил — засветло. Медсестра ушла уже, что теперь?

Он посмотрел на одного, на другого.

— Вас как зовут?

— Степан Николаевич.

Он кивнул.

— Я Георгий Алексеевич. Я не понял, чей вы отец? Ольги?

— Нет. — Нерешительно ответил Степан.

— Тогда лучше. — Доктор сделал жевательное движение, будто бы дожёвывал что-то. А может и правда дожёвывал — от него пахло чесноком, и откуда-то из глубины дома в сени пробирался запах жареной свинины. — Давайте так: я вас попрошу мне помочь, а вы согласитесь. Добро?

Степан неуверенно кивнул, как человек, который не понимает на что соглашается.

— Там в ванной, — он кивнул на дверь, — густо намыльте руки и трите щёткой. Трите хорошенько, чтоб до боли. И так три раза. Там же халаты. Наденьте и пройдите сюда, — он указал на дверь рядом с той, за которой скрылась Ольга. — Там присядьте и ничего не трогайте. Добро?

— Да.

Георгий протянул ладонь к Сергею.

— Давай.

Сергей недоуменно посмотрел на ладонь, потом поднял глаза на доктора.

— «Давай» что?

— Что достал.

— «Достал» что?

— Тиопентал? Калипсол? Что?

Сергей переглянулся со Степаном.

— А если нет?

Георгий помолчал, глядя то на одного, то на другого.

— Ребят, вы чего? Издеваетесь надо мной? Ну, больно ей будет! А так — ничего.

— Так может... — Степан переглянулся с Сергеем... — скажете ей, что сегодня нельзя? Или лучше, что вообще нельзя? Что, ребенок уже большой, например? М, доктор?

Георгий помолчал, осмысливая.

— Я чего-то не понимаю. Вы зачем сюда приехали?

Маленький человек, с ярко-красными прожилками сосудов на лице, с заметным румянцем и быстро пульсирующей жилой на шее смотрел на них, поцкивая и орудуя языком за щекой, видимо высасывая из межзубных промежутков кусочки мяса.

— Ну, если без лекарств нельзя, то..

— То что? — перебил доктор.

— Доктор, вы не поняли..

— Это я-то не понял? — снова перебил Георгий. — Да, я не понял. Вы чего, мужики? Звоните, уламываете, я соглашаюсь, а потом среди ночи вваливаетесь на фуре, будите мне полсела и «может нельзя?». Это шутка, что ли? Розыгрыш? Вы чего хотите от меня, мужики, а?

— Тише, тише, доктор... — Степан поднял руки ладонями вперед. — Сейчас объясню. Сейчас... Мы бы рады не приезжать. Правда. Только девчонке этой — край. Она же впрыснет в себя какую-нибудь болтушку ядрёную. Зачем нам это? Ей ребенок поперёк горла, вы не поняли? Так что, или отговорите её или сделайте... — он запнулся на несказанном слове, — всё, как надо. Мы что могли, сделали. Решайте.

Георгий — пухлый человек с залысинами на голове — сверлил взглядом Степана. Молчал и изредка моргал.

— Да уж, вы сделали что могли. — Пробурчал он после паузы и посмотрел на Сергея. — Больно ей будет без анестетика, понял? Вот теперь будешь стоять возле неё и заговаривать. Говорить, всё равно что. Только, ради бога, я тебя прошу: не говори, что любишь. Женщина и в бреду дурой не становится. Не простит этих слов. Ясно?

— Я не пойду, — сжав губы, сказал Сергей.

Георгий ухмыльнулся.

— Ну, не иди. Ты же и так сделал всё, что мог, да? Ладно, Степан, — он кивнул на дверь, — идите, мойтесь.

И скрылся за дверью, которая снова шкрябнула пол.

Степан и Сергей смотрели на закрывшуюся дверь и молчали. Степан первый нарушил тишину:

— Влипли, Серый. Чует моя душонка, влипли.

— Если мы уедем, он без нас не сделает, вы поняли? — Сергей говорил в полголоса. — И на улицу вряд ли выставит. Домой утром отправит и всё.

— Ох, влипли. Мать же твою так.

— Поехали, а?

Степан повернулся. Несколько секунд растерянно, словно пытаясь запоздало ухватить смысл произнесённого, смотрел на Сергея.

— Сынок. Сыно-о-ок. Так нельзя. — Наконец произнёс он. — Это же аукнется! Ты что?

— Что «я что»? — Сергей нахмурился.

— Ты боишься кого-нибудь? — Степан сделал движение головой в небо. — Или сам чёрт не страшен? А ну, если твою дочь вот так же одну кто-то бросит? Ты что?

— Моя дочь? С какого перепугу? Я воспитаю её...

— Дур-р-рак ты, Серёжа, ей-богу. — Оборвал его Степан. — Ну, вали. Давай.

Степан отвернулся и прошёл в ванную.

Зажурчала вода из крана, Сергей смотрел на дверь и не двигался. Затем подошёл к ванной, остановился на пороге и посмотрел на Степана. Тот намыливал руки, взбивая густую пену на ладонях. Сергей несколько секунд молча смотрел на его руки, а потом шагнул внутрь, подошёл к раковине и протянул руку за мылом.

Глава 5

Ольга лежала на кушетке, Георгий присел рядом и взял её за руку.

— Милая. Давай так — я вколю тебе успокоительного, ты здесь полежишь, в себя придёшь, с мыслями соберёшься, и домой? А дорогу сюда забудешь — тебе ребенок твой нужен, а не я.

Ольга повернула голову к врачу.

— Как вас зовут?

— Георгием Алексеевичем меня.

Ольгу заметно трясло.

— Георгий Алексеевич, не могу я. Делайте что надо.

Георгий помолчал, водя пальцем вокруг перекрахмаленного пятна на хирургических штанах.

— Ну, как знаешь. Наркоза нет, терпеть будешь?

Ольга кивнула.

— Я тебя подготовлю чем есть.

Он подошел к столу, достал из ящика ампулы анальгина и димедрола, бумажную ленту шприцев, спирт и майонезную банку, наполовину наполненную ватными шариками. Оторвал от ленты шприцы и по очереди наполнил их...

— Теперь раздевайся догола. — Он резко выдернул иглу из вены, приложил ватный шарик и согнул Ольге локоть. — У тебя аллергия на йод есть?

Ольга отрицательно покачала головой.

— Ну, хорошо.

Георгий Алексеевич достал разовую бритву и пену для бритья.

Степан и Сергей вошли в квадратную комнату. Посреди стоял невысокий прямоугольный стол, накрытый обычной белой простыней, ножным торцом к окну. На столе лежала небольшая подушка, обтянутая оранжевой растрескавшейся клеёнкой. Сергей остановился на пороге, Степан подошел к окну и задернул занавески, сделанные из той же простыни. Нижняя половина окна скрывалась занавесками, верхняя заглядывала в комнату темными квадратами. Под столом табуретка, когда-то выкрашенная в белое: ножки возле пола облупились, пестрят темными царапинами.

— Ты чего в дверях встал? Сядь вон там хотя бы.

Под стеной напротив входа длинная скамья. Поверх неё половик в толстые полосы, истёртый, и по краям растрёпанный на нитки. Черная, красная, желтая, синяя полосы; и снова черная, красная, желтая, синяя. Обойдя стол, Сергей сел, ссутулился и зажал ладони между колен, будто озяб.

Белый медицинский столик на колесах, накрытый длинным марлевым отрезом; медицинский шкаф со стеклянной дверью, на полках аккуратными рядами блестящие инструменты. Возле входной двери маленькая, будто детская, раковина без зеркала и два белых вафельных полотенца. Степан поднял глаза кверху — потолок просится освежиться, в углу тонким изломом темнеет трещина в штукатурке; без плафонов старая люстра с шестью лампочками.

— Слышь, Сережа, ты это... домой позвони.

Сергей встрепнулся, угукнул и полез в карман джинсов. Не нащупав кармана, он озадаченно посмотрел вниз и понял, что шарит рукой по боку халата. Чертыхнувшись и откинув полу халата, встал, залез рукой в карман и... замер — дверь открылась, и вошел Георгий Алексеевич с Ольгой под руку.

Девушка была бледной и вялой, шла медленно. Апатично скользнула по лицу Сергея (он медленно вытащил руку из джинсов, забыв про телефон), потом, не поворачивая головы, одними глазами окинула комнату и остановилась взглядом на белой простыне.

Георгий вёл её осторожно, поддерживая за локоть.

— Сюда.

Ольга шла к столу, на голом теле шуршал почти прозрачный халат из голубой целлюлозы. Запахнут на спине, тесёмки завязаны на кривой бантик и обнимают живот. Сергей провожал девушку взглядом, не отрываясь от едва прикрытых тканью небольших, совсем маленьких, грудей. Ольга безучастно прошла к оконному торцу стола и забралась на него. Георгий снял с ног девушки бахилы, поднял босые ноги и помог лечь. Яркий свет люстры бил по глазам, девушка зажмурилась и отвернулась.

— Сейчас притушу.

Он подошел к столику на колесах, приподнял марлю, с нижней полки снял настольную лампу на прищёпке, зацепил её за проволоку, на которой висели занавески, воткнул шнур в розетку за подоконником и щёлкнул выключателем на шнуре.

Лампа светила Ольге на нижнюю часть живота, высвечивая под халатом бритый лобок. Степан от увиденного заморгал часто-часто и отвёл глаза.

Выключив половину лампочек на люстре, Георгий вернулся к столу и склонился над Ольгой.

— Я тебя привяжу. Ещё вот, смотри, — он извлёк из кармана марлевый валик, — это деревянная ложка. Когда начнём, закуси и всю боль — в неё. Поняла?

Ольга еле заметно кивнула. Георгий положил валик рядом с подушкой и достал из стеклянного шкафа несколько ремней. Подошёл к Ольге, откинул полу халата, обнажив голые ноги и низ живота до пупка.

Степан увидел совершенно голый женский лобок. Лицу стало горячо, он поспешно отвернулся.

Георгий согнул обе ноги девушки в коленях и перетянул их ремнями. Зафиксированные колени прижал к животу, через них перекинул ремень и концы стянул под столом.

Степан справился с первым внезапным стыдом, повернулся и... залился краской ещё гуще — девушка лежала не просто голая ниже пояса, а с согнутыми и разведёнными в стороны ногами. «Господи, ты боже мой...»

Георгий склонился над лицом Ольги.

— Туго?

— Нет, — она отвернулась и упёрлась взглядом в сидящего под стеной Сергея. На его бледном лице ходили желваки.

— Возьмись за края стола и не отпускай, поняла?

Ольга кивнула, всё так же глядя сквозь Сергея. По щеке скатилась тяжелая слеза и упала на оранжевую клеенку.

Георгий уложил руки Ольги вдоль стола и помог ухватиться за край. Затем перекинул через них ремень и снова стянул края под столом.

— Это так надо, что ли? — жестко и глухо спросил Сергей. — Вот эти все ремни, затычка в рот? Это дыба такая?

Георгий, продолжая стягивать ремни под столом, отрывисто ответил:

— Ты. Тиопентал. Достать. Не смог. А у меня. На кресло. Денег нет. Понял?

Он встал, скользнул взглядом по Сергею, обошёл стол и присел перед лицом Ольги, заглядывая ей в глаза.

— На. — Он протянул ей марлевый валик.

Ольга послушно открыла рот и взяла его зубами.

Степан стоял возле ног девушки, старательно отводил глаза, блуждая взглядом по стенам, по полу и потолку.

Георгий подтянул металлический столик к ножному концу стола, достал простыню, накрыл согнутые колени девушки и соорудил полог, открытый со своей стороны. Сел на табурет, взял со столика две пары перчаток, одну надел сам, другую отдал Степану, равнодушно наблюдая, как тот заметно трясушимися руками натягивает перчатки и

расправляет на них латексные складки. Затем вылил в ладонь спирта, растёр, будто намыливал. Двумя пальцами откинул марлевый отрез со стола.

Под ним оказались инструменты, показавшиеся Степану нелепыми. Уж странными - точно.

— Готов?

— Да, — внезапно пересохшим ртом ответил Степан.

Георгий макнул в йод хирургический зажим с большим куском марли, и обильно смазал йодом промежность девушки, окрасив бедра и низ живота в неожиданный оранжевый цвет с разводами. Снял со столика странный инструмент с длинными зеркальными лопастями и быстрым движением ввёл туда, куда Степану смотреть было стыдно. Затем Георгий взял в руки что-то страшное и на секунду замер.

Степан вытаращился: не верилось, что это окажется внутри. Оно напоминало ножницы, только вместо лезвий были длинные тонкие конусы с заостренными и загнутыми друг к другу концами, словно оскаленные клыки. Но Степан видел их всего секунду, а затем Георгий быстро всунул их внутрь и, звонко клацнув, защеппнул их там. Потом взял вторые такие щипцы и тоже защеппнул.

Ольгу накрыло белым глухим одеялом: не успев пережить первую волну боли, накатила вторая, от неё тело выгнулось дугой, натянулись ремни и сдавили до синевы кожу рук под ними. Глаза расширились, зубы, прокусив все слои марли, закрипели на деревянной рукоятке и вдавились в поверхность. Ольга зарычала, лицо напряглось, налилось, и на лбу в мгновение выступили крупные капли пота. Затем девушка осела, сдулась, глаза медленно закрылись и голова скатилось на бок.

— Доктор. — От увиденного Сергей вскочил с места. — Доктор!

Доктор подошел к Ольге, заглянул под веки, нащупал на шее пульсацию.

— Нормально всё. Отключилась.

Сергей подошёл к Ольге. Как в клетку с опасным животным, осторожно и в то же время беспомощно, заглянул ей в лицо. В мозгу бессмысленно пульсировало: «Ё-моё! Ё-моё!»

Георгий вернулся на табурет и протянул Степану щипцы, прищёлкнутые к Ольге.

— Держи.

— Что? — Степан не понял.

— Пулёвки держи, что. Пальцы вот сюда суй. Держи, как ножницы.

— Я-я-я?

— А кто, я? Держи-давай.

Руки Степана, когда тот принимал пулёвки, заметно дрожали. Противоположными концами щипцы держали Ольгу звериной хваткой.

Один за одним Георгий всовывал в Ольгу длинные штыри, двигая ими туда-сюда и проворачивая, словно угли перемешивал кочергой. А потом откладывал и брал кочергу по-толще. А потом ещё толще. Степану даже мерещилось, что потрескивают угли, или что где-то рядом рвут нитки. Наконец доктор отложил штыри и взял странного вида ложку с очень длинной ручкой.

— С Богом. — Сказал доктор вполголоса и вошел в матку этой ложкой.

Скребущие звуки, которые слышал Степан в следующую минуту, напомнили, как бабушка в детстве скребла ножом упругий бок чищенного яблока. Тогда в воздухе сладко пахло, яблоко брызгалось ароматной пенкой, и маленький мальчик предвкушал наслаждение. Сейчас же яблоком не пахло, и звук исходил не от яблока — от женского тела, стекающего в лоток на коленях Георгия бордовой жидкостью со сгустками.

Степан старался не смотреть, но вслед за льющейся кровью глаза сами возвращались к заляпанному красным лотку, поверхность исходила кругами и сгустками. Вдруг на поверхность всплыла оторванная детская ступня, как всплывает поплавок, если рыба сорвалась с крючка. Накатила дурнота: спина вспотела, к горлу подкатил комок, воздух стал спёртым и осязаемо густым, оторванная ступня расплылась перед глазами, руки затряслись.

Георгий моментально перехватил щипцы:

— Степан, отвернись! Глубоко подыши. Ртом дыши. Я жду.

Степан прислонился лбом к холодному стеклу и зажмурился. Перед глазами стоял лоток, и кровавые круги расходились в стороны от детской ноги. Ничего ужаснее в жизни видеть не приходилось. Рот заполнился тошнотворной слюной. Открыл глаза и увидел в отражении своё перепуганное лицо.

Захотелось уйти, содрать перчатки, вымыть руки и уйти. Он посмотрел на руки — вдавленные следы от щипцов, кожа под перчатками взмокшая, под голубыми перчатками влага перетекает голубыми пятнами.

«Не в крови», — подумал Степан. — «Чистые руки».

Глубоко вдохнул, выдохнул. «Лучше».

Ещё вдох. «Уже лучше».

Ещё. «Мне лучше».

Когда дурнота отпустила, Степан облизал пересохшие губы, повернулся к столу.

— Я готов.

— Принимай щипцы.

Он взял инструменты, но пальцы всё равно дрожали.

Ольга дышала неровно — внутри было больно так, словно в неё всунули и прокручивали огромный раскалённый штырь. Глаза сами собой открылись, звуки и

запахи резко обрушились на неё, венулось зрение, пульсирующее в такт с проворотами штыря — лицо Сергея то приближалось — так, что она видела капли пота в его бровях, то становилось далёким и маленьким, будто она смотрит со дна колодца. Откуда-то издалека до неё доносились звуки, как что-то куда-то плюхается, и чувствовала, как что-то жидкое обжигает ягодицы. Её затошнило.

— Мамочка моя, что я наделала? Мамочка, мама! — собственный крик заложил ей уши.

Сергей наклонился к ней.

— Что? Я не расслышал, Оля. Что?

Он заглянул Ольге в глаза и замер. Зрачки девушки горели и пульсировали — то сужались до игольной головки, загораясь звериным, то расширялись и стекленели, заливая глаза темнотой с оранжевыми всполохами. На миг почудилось, будто в её зрачках плещется жидкая боль, вскипая и выплескиваясь из глаз крупными градинами, прожигая на щеках кровавые следы. Сергей отшатнулся, словно её тело может ударить разрядом. Дрожащим пальцем он потянулся к Ольге, коснулся мокрой щеки и отдернул руку — на пальце повисла слеза. Он поднёс её к глазам, в оцепенении рассматривая игру света на ней, а затем медленно растёр между пальцами и произнёс:

— Георгий?

— Скоро. — Отрезал доктор.

Ольга кусала губы и что-то бормотала сквозь димедрольную пелену. Сергей не выдержал и отвёл глаза. Он ощущал злобу — бессильную, безрезультатную и не понятно на кого. На Ольгу? На Митьку? На себя?

На каждый стон Ольги он морщился, хотя если бы в другом настроении и в другом месте ему включили видеокассету с этими звуками и завязали глаза, он скорее всего решил бы, что включили порно — в сущности стоны от боли очень похожи на стоны от удовольствия. Но он не мог закрыть уши, как и зажмуриться. Всё бросить и уйти. Он мысленно ругался, посылал всё к далёкой матери и хотел только лишь поскорее оказаться дома.

А там женщина. У неё, наверное, между бровей уже складка. Как и Ольга, она уже, наверное, кусает губы, только пока не до крови. Посматривает на часы и не замечает звуков от светлого пятна телевизора из угла темной комнаты. Вслушивается в шум за дверью, ждёт, когда на лестничной площадке знакомо закрипят двери лифта на этаже.

Неожиданно картинка перед глазами поплыла, пошла волнами, словно в воду бросили камень. Со лба скатилась капля пота, попала в глаз и слезой сорвалась вниз. Медленно, как в SlowMo-кино, капля летела, вытягиваясь и снова возвращаясь к форме сферы, пока не разбилась об бровь девушки, разлетевшись брызгами. Время вновь ускорилося до нормального, и след от упавшей слезы потерялся в россыпи крупных капель пота девушки. Он утёр лоб и глаза рукавом и отвернулся.

Ольга, погружённая в свою боль, ничего вокруг себя не замечала.

Без суеты, но и без участия, Георгий продолжал выскабливать.

Степан держал щипцы и заставлял себя больше не смотреть в лоток.

Глава 6

Внезапно Георгий отдёрнул руку, оставив ложку торчать в матке, как стрелу, в ту же секунду Ольга закричала. Опомившись, дрожащей рукой Георгий извлёк инструмент и не удержал — он упал в лоток с глухим бульканьем, на белый халат прыгнули рваные красные пятна. Георгий развернулся на табуретке. Лицо красное, глаза испуганные, на висках крупные капли пота.

— Прободение...

— Что? — не понял Степан.

— Прободение... — повторил Георгий, глядя сквозь Степана невидящим взглядом.

— Что?

Вдруг Георгий отставил лоток, и стаскивая на ходу испачканные перчатки, бросился к стеклянному шкафу, распахнул дверцу настежь.

— Беременность прерывала? — крикнул Георгий, вываливая из шкафа пластиковые флаконы с жидкостью и коробки с медикаментами. — Оля, беременность прерывала? Не молчи! Что принимала?

Схватил флаконы в охапку, подбежал к столу и вывалил их рядом с Ольгой.

— Что ты пила, вспоминай! — крикнул ей в лицо.

Она мутно посмотрела на врача и что-то сказала. Георгий склонился к её губам и почти прижался ухом:

— Повтори!

— Постинор.

— Сколько?

— Три...

— Почему три? — растерялся Георгий. — По схеме ж одну, а вторую через полсутки. Или погоди, — Георгий выпрямился, — ты СРАЗУ три выпила!? Чтобы прервать беременность, ты пила постинор?!

— Да...

— Твою ж мать! Да ты хоть знаешь, как он действует, постинор?! Ну, дуры же, дуры! Прости меня, господи. От твоего постинора она тонус теряет, дряблая она, ты понимаешь? И я проткнул её!

Он разорвал пакет с системой, сорвал с флакона крышку, воткнул в него воздушную иглу.

— Дима, стойку мне! Степан, иди сюда!

Степан замешкался, не зная куда девать свои щипцы.

— Да отпусти ты их, господи!

Степан осторожно выпустил их. С ягодиц девушки на пол закапала кровь.

— Дави кулаком в живот. Прямо в пупок, вот здесь. Со всей дури давай — аорту передавим. Давай!

— Что передавим? — Степан растерянно смотрел на доктора, тот торопливо отстёгивал и сбрасывал с девушки ремни.

— Не стой! — закричал Георгий. — Давай же!

Степан, забыв о перчатках на руках, потёр глаза, будто прогоняя кошмар, затем облизал сухие губы, навис над Ольгой, приложил кулак к её пупку и, отвернувшись и зажмурившись от страха, навалился на кулак всем телом. Ольга громко выдохнула и широко раскрыла глаза.

— Дима! Твою налево. — Крикнул Георгий. — Стойка где?

— Бля, да что это? — заорал Сергей. Он ошалело переводил взгляд с доктора на Степана, на Ольгу, на кровь под столом.

— Вон тот штатив в углу!

— Сорок лет без лажи и на пенсии вляпаться. — Георгий цедил ругательства сквозь зубы и подключал капельницу к флакону. — Ну не твою ж налево?

Выпустил из капельницы воздух, заполнил систему жидкостью, водрузил флакон на штативе.

— Всё будет хорошо, — произнёс он, вытирая рукавом пот со лба. Он склонился над Ольгой. — Всё будет хорошо, веришь мне?

Дрожащей рукой воткнул ей иглу в локоть, попал в вену со второй попытки, открыл клапан на капельнице. В вену полилась жидкость.

— В шкафу пластырь, на верхней полке. Найди. — Крикнул он Сергею, прижимая иглу к коже.

— Этот? — Сергей достал из шкафа моток белого медицинского пластыря.

— Да. Оторви полоску и давай сюда.

— Чем оторвать?

— Зубами!

Отплёвываясь от клея на зубах, Сергей сунул в руки Георгию кривую полоску. Тот приклеил её к коже локтя, зафиксировал иглу. В ворохе медикаментов нашел пачку с ампулами эргометрина, посмотрел на давно прошедший срок годности, вытащил одну на

свет, встряхнул — осадка нет. «Спаси меня, Господи!» Набрал в шприц и, подколовшись к капельнице, медленно ввёл. Подбежал к ногам, снял щипцы, затемпонировал марлей.

— Степан, отпусти, пусть отдышится. Теперь так... — он замолчал.

На ярко-красной шее пульсировал крупный сосуд; руки заметно дрожали. Он начал загибать пальцы:

— Это есть. Это есть. Это... Теперь что.

Он развернулся к окну, взгляделся в темноту за окном и развернулся к Степану.

— В кузове груз есть?

— Нет.

— Давайте машину к воротам, положим её в кузов.

Степан мотнул головой Сергею, тот выбежал из комнаты. Из ноздри доктора показалась густая алая капля и кривой загогулиной потекла вниз. Георгий мазнул пальцем по губе, увидел кровь.

— А, чёрт! — Вытёр кровь рукавом халата, приложил руку к пульсирующему месту на шее и несколько секунд считал, беззвучно шевеля губами.

— Тебе плохо? — Степан отпустил живот девушки и удивлённо смотрел на доктора.

— Нормально мне. — Ответил Георгий после паузы. — Дави в живот, что смотришь!

Шмыгая носом, втягивая в себя кровь, Георгий торопливо вышел из операционной, вошёл в комнату с кушеткой, выдвинул ящик стола. Опёрся двумя руками на столешницу, опустил голову и, ощутив внезапную слабость, стоял с закрытыми глазами. Дышал. Медленно и шумно вдыхал носом, выдыхал ртом. Слышал, как на улице завёлся двигатель. Дышал. Слушал, как внутри головы бухкает сердце.

Медленно протянул руку в открытый ящик стола. Пальцы дрожат. Среди лекарств нашёл нужную пластинку, выдавил в ладонь две таблетки, закинул в рот. Опустился на кушетку. Считая пульс, посидел. За закрытыми глазами мелькали яркие точки, круги. Жарко. Расстегнул все пуговицы, краем халата вытер пот в подмышках и на животе. Этим же краем вытер нос. На халате осталась свежая полоса крови. Запрокинул голову. Посидел. Таблеточная горечь щиплет рот, хочется запить. Тяжело встал, преодолевая головокружение. Зажимая нос пальцами. Слабыми ногами вернулся в операционную, склонился над раковиной, подставил рот под кран и пустил воду. Глотнул. Смывая горечь, прополоскал рот, умылся и не вытерся.

Медленно подошёл к скамье, сел на полосатый ковёр (черная, красная, желтая, синяя), откинулся спиной на стену.

— Ты в порядке? — спросил Степан. — Ты весь красный.

— Нормально всё. — Георгий ответил сквозь сжатые зубы.

— У тебя давление что ли?

Степан не ответил. В комнату вбежал Сергей и, будто налетел на стену — остановился, переводя взгляд то на Степана, то на Георгия.

— Алё, чего сидим? Мы едем или как?

Доктор поднялся, взялся за половик, на котором сидел. За бахромой. Половик тяжело упал со скамьи на пол.

— Помогите.

Расстелили половик на полу, переложили на него Ольгу, под бок уложили запасные флаконы.

— Берите её. — Георгий взялся за штатив. В голове больно пульсировало, ноги слаби, лицо горело.

Сергей и Степан за концы подняли ковёр, который тут же провис под весом Ольги.

Вышли из дома. Спускаясь со ступеней, приподнимали носилки выше, чтобы Ольга не билась спиной. Легкая и тонкая, на носилках Ольга казалась тяжёлой. На улице ни души, окна соседних домов темнеют, на другом конце села лениво брешет пёс. Двойные двери рефрижератора широко распахнуты, потолочная лампочка заливает кузов тусклым розовым светом. На счёт три Сергей и Степан подняли носилки на уровень груди и почти забросили Ольгу в кузов. Удивительно, насколько тяжелее становится полностью расслабленный человек. Оказавшись на полу, Ольга заскулила, , почти, как брошенная у магазина собака. Доктор у края поставил штатив, а сам опёрся о ребро кузова.

Сергей запрыгнул наверх. Доктор шумно вдыхал и выдыхал ртом.

— Сам заберешься? — спросил его Степан.

Тот мотнул головой. «Не вовремя. Ох, не вовремя». Симптомы пугали доктора. Сердце колотилось слишком сильно. Виски ломило и глаза словно выдавливались изнутри. Тошнило. Съеденная еда стояла комком у самого языка. На мгновение накатил и отпустил дикий страх, что он умирает. Через секунду стало холодно, аж мурашки по коже. Его передёрнуло и это слабое движение плечами отдалось в голове ударами молотка: бах-бах-бах — кто-то лупил его голову изнутри. Дышать стало труднее.

— Серега, дай ему руку. Давай с двух сторон.

Они помогли доктору забраться в кузов. Отнесли Ольгу на половике под борт, поставили рядом штатив.

— Я за руль. — Сергей кинулся к дверям.

— Стой. — Окликнул Степан.

— Чего?

Степан смотрел на доктора. Тот попытался опуститься на колени перед девушкой, но его повело вперед, он охнул и упёрся руками в пол.

Сергей переглянулся со Степаном.

— Георгий, — Степан присел перед доктором, — ты что?

Доктор стоял по-собачьи, опустив голову между плеч, и дышал.

Он боялся. Такого ещё не было. Таблетки, которые он принял, не справлялись. Дышать было тяжело. Воздух входил в него, словно рот был забит ватой. Воздуха не хватало, перед глазами летали яркие пятна. Правая сторона шеи дёргалась. Судороги усиливались. Так и до инсульта... Он стоял на четвереньках, свесив голову. Из носа на пол капала кровь. Правая сторона шеи дёргалась всё чаще.

— У тебя кровь из носа.

У Георгия подогнулись руки, и он завалился на холодный, ничем не застеленный, пол. Он дышал раскрытым ртом, лицо в свете дежурной лампы было похоже на сваренный хитин креветки, крупными каплями тёк пот.

Степан смотрел на это и несколько секунд ему мерещилось, что он видит абсурдный сон. Тот, в котором фантазмагорические события превращаются одно в другое совершенно логично, обоснованно и как будто только так и надо. Будто он наблюдает за персонажами со стороны и ничего делать не нужно — всё само образуется, а сонное наваждение придумает сценарий и само вырулит к единственно возможному финалу. А он когда-нибудь с облегчением проснётся и выдохнет: «Господитымойкакаячуть!» Он смотрел на лежащего на полу доктора, на бледное лицо Ольги, на полосатый половик, на бахромю, с одного края уже намокшую от крови, на Сергея и на уходящую в темноту дорогу за его спиной. Несколько секунд тупого остолбенения.

И вдруг наваждение рассеялось. Ясно и жестоко — до металлического вкуса и рези в глазах — пришло осознание — это не сон, а сам он не наблюдатель. Он в центре. Если только не сам он центр.

— Доктор, ты слышишь? — Степан склонился над ним.

— Короче, я погнал. — Сергей шагнул к улице.

— Останьтесь. — Тихо произнёс Георгий.

— Серёга, стой.

— Останьтесь... кто-то. — Повторил доктор. — Капельницу менять... в живот давить... я... сил нет.

Сергей остановился.

— Серёга, я поведу.

— Не понял, как это? Почему? Ты же не водишь ночью.

Степан махнул на Сергея, мол, подожди, и обратился к доктору.

— Слушаешь меня? — Он указал пальцем на Сергея. — Его здесь не было, договорились? Я один приезжал.

Сергей уставился на него.

— Степан, ты чего?

— Доктор, не молчи. Ты понял?!

Георгий кивнул и от вспыхнувшей в голове боли зажмурился. Степан повернулся к Сергею.

— Оставайся, дави в живот, меняй флаконы. В городе, у парка, тебя выпущу. На глаза никому не суйся. Если что, ты дома... сейчас соображу... ты дома с девяти часов. Мы выехали с базы втроём, у парка я тебя сменил, и ты пошёл домой. Ты понял?

— Нет.

— Что нет?! — Степан повысил голос.

— Степан, так нельзя... сам же говорил — ответственность...

— Фуфел! Фуфел — твоя ответственность! — Заорал Степан, брызгая слюной. — Ты не сечёшь ничего? Если эта грёбаная ответственность тебе жизнь ломает — это фуфел!

— Ты чего кричишь? — притих Сергей.

— Да, ну тебя!- Вытирая рукавом слюни с губ.

Степан спрыгнул, захлопнул двери, закрыл наружные замки. В кузове стало тесно. Сергей присел над Ольгой и всмотрелся: она дрожала, часто дышала и облизывала сухие губы. Под ней расплзлось темное пятно, стекая с половика в желоба на полу и подбираясь к дверям кузова. Хлопнула водительская дверь. Сергей навалился кулаком на живот девушки. Рефрижератор тронулся. От рывка, не удержавшись на коленях, Сергей едва не завалился. Штатив закачался, но не упал: Сергей успел ухватить.

— Доктор, ты можешь эту фигню держать? Доктор?!

Георгий медленно протянул руку и взял штатив.

Сергей склонился над Ольгой и опёрся на свой кулак, вдавив его девушке в живот. Ольга тихо застонала, не открывая глаз. Крюки под потолком скрипели и качались, негромко позвякивая друг о друга. Машина отъезжала от дома, на крыльце которого остался свет, призывая к себе осеннюю мошкарку.

Фура двигалась по сельской дороге, слева и справа на обочинах тянулись спящие дома. Дорога вела прямо, была суха и когда-то выровнена щебнем. В левом зеркале отражался свет удаляющегося крыльца. Степан опустил окно, вслепую на сиденье нашарил пачку, выбил в зубы сигарету и бросил пачку под лобовое стекло.

Приподнявшись, извлёк из заднего кармана зажигалку и прикурил. Глубоко затянулся и ощутил, как устал: в глаза словно кто-то сыпал и, не останавливаясь, втирал песок; шею ломило, желудок урчал, хотя думать о еде было противно. Он затянулся ещё раз, зажмурился, прогоняя рези из-под век. Затем ещё и ещё раз. Тряхнул головой, снова зажмурился... машина подпрыгнула, наехав на торчащий из земли камень. Кабину резко качнуло, головой Степан впечатался в боковую панель и ощутил сильную боль. В месте удара потеплело.

— Твою ж мать. Твою ж мать! — заорал он, выплескивая из себя напряжение и стуча ладонью по рулевому колесу. — Грёбаная дорога! Грёбаная машина! Грёбаная жизнь!

Он посмотрел в боковое зеркало, пытаясь разглядеть камень, но в зеркале был виден только правый кузовной габарит.

— Тьфу! — выплюнул сигарету в окно и пощупал рукой голову, влез пальцами во что-то мокрое. Посмотрел. Кровь. — Что за день!

Переключил свет на дальний и нажал на педаль газа. Машина набирала скорость, фары выхватывали из темноты серую щебёнку, кабина глотала её, как голодная гигантская рыба. Не имея возможности развернуться на улицах, Степан проехал насквозь и выехал к другой дороге с другой стороны посёлка. Щебёнка закончилась, превратилась в каменистый грунт. Машину снова стало трясти и раскачивать.

Сбросив скорость перед крутым поворотом, Степан увидел длинный склон, освещённый дальним светом фар. Дорога спускалась среди чахлах кустов и камней, уходя в сторону асфальтированного шоссе. Где-то там по шоссе, далеко в темноте, двигались пары огоньков. Включив вторую передачу, направил машину вниз. Кабина подпрыгивала на камнях сильнее, чем когда взбиралась по похожему склону вверх. Сиденье под Степаном пружинило и поскрипывало. Пачка сигарет скользила по торпедо. Степан держался за руль и вглядывался в грунт, объезжая крупные камни. Передние колёса поднимали в воздух мелкую серую пыль, вихрящуюся вокруг проезжающих мимо бортов.

Степан крепко держал руль, морщился от горькой табачной слюны, накатившей во рту. Но сплюнуть её не догадывался, поглощённый неожиданным прозрением: то, чего бежал много лет, его догнало: и ночная дорога, которую после того чёртового рассказа он боялся, а потом страх превратился в стойкое нежелание ездить ночью; и беда, которая сегодня свалилась на голову — ни обдумать, ни уберечься. Его ближайшее будущее стало яснее ясного. И чем дальше по склону он ехал, тем стремительнее его будущее к нему приближалось.

Он выискивал глазами препятствия и объезжал, где можно повышая передачу и ускоряясь. Машину нещадно трясло, и Степан ни на секунду не задумался, как, должно быть, трясёт в кузове. Он перебирал все события последних часов и искал то событие, которое неотвратимо повернуло его жизнь на этот склон. Разговоры, разговоры, разговоры. Всё было правильно. Всё делал, как надо. Но почему тогда в кузове три перепуганных человека? Где он не подумал? Что не так? Что-то же обязательно было не так! И ведь не отвертеться же!

Если бы не дальний свет, Степан видел бы вообще плохо. Обочину слева и справа он видел размыто, будто в углах глаз выступили слёзы. А может там и они и были. Затылок саднил, ныл. Он потрогал ладонью и вмазался в кровь. Чтобы не скользить по рулю, вытер руку об джинсы.

— А никто и не обещал, что она справедлива.

Он слышал свой голос, словно чужой. Фраза прорвала хаос мыслей, и следом пришли слова и старая мелодия. Он открыл рот и запел:

— Жизнь та-а-ка-а-я шту-у-ка, Мэ-э-ри!

Сплюнул горькую слюну в окно и засмеялся громко, грубо, смеясь абсурдности того, что происходит. Словно вернулся тот фарс, тот сон, то мутное наваждение.

— Мэри. Где стихи, там и про-о-за. — Продолжил орать. — Мэри. Где шипы, там и ро-о-зы.

— А на дворе гитары и вино-о-о, — вытягивая последнее «о», — и ребята ждут тебя давно.

Он засмеялся и, повторяя финальные Пугачёвские интонации, немзыкально затащил:

— О-о-оу, е! О-о-оу, е!

В кузове Сергей едва удерживался одной рукой за выступ на борту, Георгий держал двумя руками штатив с флаконом. Трубку капельницы мотыляло из стороны в сторону, флакон подпрыгивал в неглубоком ложе. Крюки на потолке съехали по полозьям вперед, тёрлись друг об друга, подпрыгивали и звенели.

Дорога выводила к оврагу, тому, который, поднимаясь вверх, они миновали. Степан напрягся, вглядываясь вперёд — казалось, дорога идёт напрямик в овраг. На мгновение Степана охватила паника, когда понял, что давит тормоз, а машину всё равно несёт вперед, скользя и подпрыгивая на каменистых россыпях. Вспыхнула догадка, что это не дорога вовсе, а русло грязевых потоков, стекающих в овраг во время ливней. Он вжал педаль тормоза до пола и одновременно, приложив усилие, воткнул первую передачу, выломав несколько зубцов в сцеплении. Машина замедлила ход и, проехав несколько метров, клюнула кабиной и остановилась. Пыль облаком, поднятым заблокированными колесами, опускалась вниз к оврагу, догоняя морду машины, клубясь в свете фар и оседая на дороге впереди.

От резкого торможения Ольгу и Георгия потащило по полу вперёд. Сергей не удержался, завалился и проехался по металлическому полу, содрав кожу на выставленной вперёд ладони. Штатив грохнулся, и его поволокло вперёд, флакон вылетел из гнезда штатива; иглу выдернуло из вены и протащило по полу, разбрызгивая прозрачные капли раствора. На локте выступило множество мелких капель крови, вместе повторяющие форму содранного пластыря.

В кабине Степан откинулся на спинку и медленно выдохнул. Снял руки с руля и вытер вспотевшие ладони об джинсы. Взял пачку. Достал сигарету. Прикурил. Глубоко затаился и долго-долго выдыхал в потолок кабины. Он смотрел вперёд, туда, где перед самым оврагом дорога круто поворачивала направо. Затаился ещё и вышвырнул сигарету в окно, тронулся и на первой передаче аккуратно вошёл в поворот, взяв радиус по-больше. Проследил в зеркала — кузов прошёл поворот хорошо.

Ладонь саднило, содранная кожа горела. Сергей зажал её между ног и скривился. В поле зрения попал штатив, проследил взглядом и увидел вырванную иглу. Потянулся к ней, взял пальцами и, помедлив, отбросил. Опираясь на саднящую ладонь и морщась от боли, пополз к Ольге.

Дорога шла по краю оврага, свет фар освещал густозаросший дальний склон оврага, где трава и кустарники были ещё зелёными. Впереди показалась развилка, Степан подъехал, переключился на нейтральную и остановился. Машина зашипела, словно гигант присел передохнуть и выдохнул. Кабина по инерции чуть покачивалась вперед-назад. Степан вглядывался в дорогу.

Налево, кажется, хлев. По никому не нужной здесь привычке включил левый поворотник и медленно вполз на пересечение грунтовых дорог. Машина повернула и покатила вниз. В свете фар появилось строение, кучи соломы и трактор — видна раскрытая дверь, бутылки на полу в кабине и целофановые обёртки. Проехал мимо хлева, шоссе уже ближе — цивилизация мелькает огнями.

Дорога стала ровнее, откровенно больших камней не попадалось, вероятно, сельскохозяйственная техника (если она сюда ездит) и редкие рейсовые автобусы сделали с каменистым грунтом что могли. Машину трясло на камнях, вело на россыпях, но Степан, завидев впереди, что склон кончается и переходит в сухую ровную грунтовку, увеличивал скорость.

Глаза были полуприкрыты. Она мелко дрожала. Сергей убрал с её бледного лица волосы и, сделал единственное, что мог — вдавил в живот кулак. Она даже не отреагировала, только на шее напряглись мышцы. В трясущейся машине, идущей под уклон, стоя на коленях, он давил девушке в живот и старался не падать. Ему было жарко, за себя и за неё. Георгий лежал на спине с зажмуренными глазами и боролся с дикой болью в голове, со слабостью и подступившей к горлу дурнотой.

Впереди, на границе света фар, показалось и исчезло что-то блестящее. Поперёк дороги. И опять, только ближе. Степан вгляделся сквозь резь в глазах. У подножия склона поперёк дороги канава. Бетонная плита поверх. Степан прерывисто затормозил, поднимая вокруг себя плотное облако пыли, и не успел ни толком сбросить скорость, ни толком выровнять кабину с кузовов. Кабина взлетела на плиту, пересекла её и съехала по ту сторону. Кузов въехал передними колёсами на плиту, покачался на ровной поверхности, как корабль на волне, и понёсся вслед кабине. Степан успел бросить взгляд в правое боковое и, как сквозь чужие очки, размыто увидел и вжался в кресло похолодевшей спиной — холодильник не успел выровняться за кабиной, правыми

задними колёсами фура съехала с дороги и не въехала на плиту — колеса оказались в воздухе над канавой.

— Ой-ёй-ёй-ёй-ёй! — Степан вжал газ до упора и рванул машину, что было сил. Передние колёса забуксовали и взметнули пыль, фура дёрнулась и ускорилась.

— Ой-ёй-ёй! — он кричал, когда кузов наполовину проехал через плиту, так и не коснувшись плиты правыми колесами.

— Давай, родная, давай! — он смотрел в зеркало и давил на газ, ощущая, что кузов кренится на правый бок и кренит за собой кабину.

Машина загробала песок и глину, взбивая вокруг жёлто-серый туман. Степан давил на газ, надеясь проскочить мост и подставить землю под колеса.

Кузов, кренясь вправо, пролетел через плиту, правые задние колёса с разбега врезались в склон канавы.

Тяжёлый кузов подскочил, задребезжал, кузовные сочленения застонали и чуть не захрустели. Степана подбросило вверх. Сигаретная пачка подскочила вверх и свалилась с торпедо под сиденья. В кузове Сергея бросило на борт, впечатав затылком в ребристую поверхность. Правые колёса кузова выскочили на обочину с торчащими камнями и рытвинами. Кузов в противовес качнулся влево, бросив кабину на оба передних колеса. Степан ухватился за руль, пытаясь вывести машину на утоптанную дорогу, ощущая, как сзади маятником кузов кинуло снова вправо. Правые колёса потеряли сцепление с грунтом, скользя и прыгая по камням обочины, и одновременно кузов заскользил правым бортом назад. Степан успел увидеть, как хвост машины всё больше появляется в левом зеркале и как колёса всё больше отрываются от земли. Кабину резко перекосило, и последнее, что в жизни, падая, видел Степан, это был заваливающийся горизонт, и пыль дороги в свете фар, и брызнувшие в глаза осколки лобового стекла во время удара о землю.

Со скрежетом машина по инерции проползла по дороге на боку. Левые колеса крутились в воздухе.

В завалившемся на бок кузове красная лампочка подрагивала, как плохо исправная неоновая вывеска. По полу были раскиданы тела, флаконы и сброшенные с потолка крюки. Девушка мелко дрожала, под закрытыми глазами залегли глубокие тени. Молодой парень лежал под стенкой без сознания, лицом вниз, с разбитым в кровь затылком. Пожилой человек с громким присвистом и бульканьем пытался втягивать в себя воздух, делая редкие судорожные вдохи и закатывая до белков глаза. Его лицо напоминало оплывшие часы с картины Дали: угол века опустился, открыв красные звёздочки кровоизлияний; щека, как оплавленная восковая свеча, стекла вниз; рот сполз набок; густая вспененная слюна медленно вытекает через край. Георгий мелко трясся и рукой загробал по полу, соскребая краску с металлического борта.

Лампочка моргала, издавая легкий треск. К закрытой двери кузова стекала бордовая жидкость. Снаружи, в освещенном фарами воздухе кружилась пыль, фары светили на сухую утоптанную дорогу, ведущую к шоссе. Фары светили до самого утра...

Эпилог. 2 года спустя

На грубо сколоченной скамье возле могильного холма, ссутулившись, сидел человек в застиранной футболке и джинсах. Голова была коротко острижена, на затылке вокруг светло-розового шва белело пятно седых волос: две недели назад он нашёл дома безопасную бритву с засохшими волосами на лезвии и полупустую жестянку с высохшим Gillette. «Лучше для мужчины нет» — подумал и, стараясь не смотреть в зеркале себе в глаза, сбрил волосы.

Он сидел под ивой. Ива шелестела листьями на ветру, а он сидел, опустив голову и почти прикрыв глаза.

На дороге за его спиной остановилась машина, хлопнула дверь, прошуршали шаги по земле. Мужчина почувствовал, того, кто остановился за спиной, ощутил исходящую от человека нерешительность и равнодушно усмехнулся.

Незнакомец постоял с полминуты, покрутил головой по сторонам, безучастно блуждая взглядом по соседним могилам, затем вздохнул, сел рядом и поставил на скамейку между ними бутылку водки и пластиковые стаканы.

— Мне Наталья сказала, ты здесь.

Мужчина с сединой не ответил.

— Серега, я... — сказал и запнулся. — Ну, привет, что ли?

Мужчина с сединой едва заметно кивнул.

— Ты как? Чем теперь займёшься?

— Митя, ты зачем пришел? — Сергей говорил тихо.

— Серёг, я ... — Дмитрий умолк, не зная, как продолжить. Его взгляд упал на могилу, на ней лежала раскрытая книга, придавленная двумя камнями. — А это что?

Сергей поднял глаза, посмотрел на книгу и равнодушным голосом сказал:

— Книга.

Помолчал. И продолжил.

— Есть такой писатель — Борис Васильев. Ольга и Степан его читали. А я вот только что. В тюрьме трудно достать нужные книги, знаешь ли. — Его голос впервые приобрел краску и тут же потерял. — Почитай как-нибудь.

Дмитрий потянулся к книге, но Сергей вдруг вскинулся и ударил его по руке снизу вверх.

— Лапы убрал от Ольги! Подальше! В библиотеке считаешь... Если найдешь время, конечно.

Дмитрий встал перед ним, закрыв собой солнце, молча постоял, разглядывая Сергея, потом закурил. Обошел могилу, глядя под ноги и хрустко раздавливая туфлями засохшие катышки земли. Наклонился к книге, которую упорно трепал ветер, силясь перевернуть страницу. Прочитал название рассказа: «Холодно, холодно...».

— Ирония, — вдруг усмехнулся Сергей, — она почти до утра шептала, что ей холодно.

— Серега, слышь, я зачем пришёл...

— Нет, не слышу. Прощай, Митя.

Сергей поднялся. Ни разу не взглянув на Дмитрия, боком протиснулся между плитой и скамьёй, и, засунув руки глубоко в карманы, пошел между рядами могил. Дмитрий смотрел ему вслед и выдыхал сигаретный дым, не замечая, как тот закручивается и растворяется в летнем воздухе.

Ветер, так и не сумев перевернуть страницу, оттолкнулся от могильного камня, сбросил стаканы со скамьи и, наигравшись, зарылся в ветках ивы.

Конец.

2011 г.